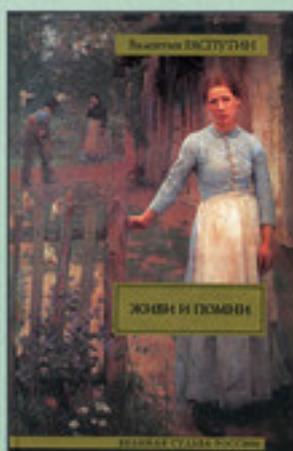

Валентин Распутин

Деньги для Марии

*Часть сборника
Живи и помни (сборник)*

Валентин Григорьевич Распутин

Деньги для Марии

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162711
Валентин Распутин. Живи и помни: АСТ, Астрель; Москва; 2003
ISBN 5-17-020737-9, 5-271-07229-0*

Аннотация

«Деньги для Марии» – повесть В.Г. Распутина из авторского сборника «Живи и помни».

Имя Валентина Григорьевича Распутина известно всему миру, его книги переведены на десятки иностранных языков. Трагизм и горькая правда его произведений поразили читателей – не даром его повести и рассказы экранизированы и поставлены на многих театральных сценах. Произведения Валентина Распутина глубоко психологичны, автор исследует вечные темы добра, справедливости, долга, в каждом поступке его героев раскрывается их человеческая сущность.

Валентин Распутин

Деньги для Марии

Кузьма проснулся оттого, что машина на повороте ослепила окна фарами и в комнате стало совсем светло.

Свет, покачиваясь, ощупал потолок, спустился по стене вниз, свернул вправо и исчез. Через минуту умолкла и машина, стало опять темно и тихо, и теперь, в полной темноте и тишине, казалось, что это был какой-то тайный знак.

Кузьма поднялся и закурил. Он сидел на табуретке у окна, смотрел сквозь стекло на улицу и попыхивал папиросой, словно и сам кому-то подавал сигналы. Затягиваясь, он видел в окне свое усталое, осунувшееся за последние дни лицо, которое затем сразу же исчезало, и уже не было ничего, кроме бесконечно глубокой темноты, – ни одного огонька или звука. Кузьма подумал о снеге: наверное, к утру соберется и пойдет, пойдет, пойдет – как благодать.

Потом он лег опять рядом с Марией и уснул. Ему приснилось, что он едет на той самой машине, которая его разбудила. Фары не светят, и машина идет в полном мраке. Но затем они вдруг вспыхивают и освещают дом, возле которого машина останавливается. Кузьма выходит из кабины и стучит в окно.

– Что вам надо? – спрашивают его изнутри.

– Деньги для Марии, – отвечает он.

Ему выносят деньги, и машина идет дальше, опять в полной темноте. Но как только на ее пути попадает дом, в котором есть деньги, срабатывает какое-то неизвестное ему устройство, и фары загораются. Он снова стучит в окно, и его снова спрашивают:

– Что вам надо?

– Деньги для Марии.

Он просыпается во второй раз.

Темнота. Все еще ночь, по-прежнему кругом ни огонька и ни звука, и среди этого мрака и безмолвия с трудом верится, что ничего не случится, и в свой час придет рассвет, и наступит утро.

Кузьма лежит и думает, сна больше нет. Откуда-то сверху, как неожиданный дождь, падают свистящие звуки реактивного самолета и сразу же стихают, удаляясь вслед за самолетом. Опять тишина, но теперь она кажется обманчивой, словно вот-вот должно что-то произойти. И это ощущение тревоги проходит не сразу.

Кузьма думает: ехать или не ехать? Он думал об этом и вчера и позавчера, но тогда еще оставалось время для размышлений, и он мог не решать ничего окончательно, теперь времени больше нет. Если утром не поехать, будет поздно. Надо сейчас сказать себе: да или нет? Надо, конечно, ехать. Ехать. Хватит мучиться. Здесь ему больше просить не у кого. Утром он встанет и сразу пойдет на автобус. Он закрывает глаза – теперь можно спать. Спать, спать, спать... Кузьма пытается накрыться сном, как одеялом, уйти в него с головой, но ничего не получается. Ему кажется, он спит у костра; повернешься одним боком, холодно другому. Он спит и не спит, ему снова грезится машина, но он понимает, что ему ничего не стоит открыть сейчас глаза и окончательно очнуться. Он поворачивается на другой бок – все еще ночь, которую не приручить никакими ночными сменами.

Утро. Кузьма поднимается и заглядывает в окно: снега нет, но пасмурно, в любую минуту он может пойти. Мутный неласковый рассвет разливается неохотно, как бы через силу. Опустив голову, пробежала перед окнами собака и свернула в переулок. Людей не видно. С северной стороны вдруг бьет о стену порыв ветра и сразу же спадает. Через минуту снова удар, потом еще.

Кузьма идет на кухню и говорит Марии, которая возится у печки:

- Собери мне чего-нибудь с собой, поеду я.
- В город? – настораживается Мария.
- В город.

Мария вытирает о фартук руки и садится перед печкой, щурясь от жара, обдающего ее лицо.

- Не даст он, – говорит она.
 - Ты не знаешь, где конверт с адресом? – спрашивает Кузьма.
 - Где-нибудь в горнице, если живой.
- Ребята спят. Кузьма находит конверт и возвращается на кухню.
- Нашел?
 - Нашел.
 - Не даст он, – повторяет Мария.

Кузьма садится за стол и молча ест. Он и сам не знает, никто не знает, даст или не даст. В кухне становится жарко. О ноги Кузьмы трется кошка, и он отталкивает ее.

- Сам-то назад приедешь? – спрашивает Мария.

Он отставляет от себя тарелку и задумывается. Кошка, выгнув спину, точит в углу когти, потом опять подходит к Кузьме и жметесь к его ногам. Он встает и, помолчав, не найдя, что сказать на прощанье, идет к дверям.

Он одевается и слышит, что Мария плачет. Ему пора уходить – автобус отправляется рано. А Мария пусть поплачет, если она по-другому не может.

На улице ветер – все качается, стонет, гремит.

Ветер дует автобусу в лоб, сквозь щели в окнах проникает внутрь. Автобус поворачивается к ветру боком, и стекла сразу начинают позванивать, в них бьет поднятыми с земли листьями и мелкими, как песок, невидимыми камешками. Холодно. Видно, этот ветер и принесет с собой морозы, снег, а там и до зимы недалеко, уже конец октября.

Кузьма сидит на последнем сиденье у окна. Народу в автобусе немного, свободные места есть и впереди, но ему не хочется подниматься и переходить. Он втянул голову в плечи и, нахохлившись, смотрит в окно. Там, за окном, километров двадцать подряд одно и то же: ветер, ветер, ветер – ветер в лесу, ветер в поле, ветер в деревне.

Люди в автобусе молчат – непогода сделала их угрюмыми и неразговорчивыми. Если кто и перебросится словом, то вполголоса, не понять. Даже думать не хочется. Все сидят и только хватаются за спинки передних сидений, когда подбрасывает, устраиваются поудобней – все заняты лишь тем, что едут.

На подъеме Кузьма пытается различить вой ветра и вой мотора, но они слились в одно – только вой, и все. Сразу за подъемом начинается деревня. Автобус останавливается возле колхозной конторы, но пассажиров тут нет, никто не входит. В окно Кузьме видна длинная пустая улица, по которой, как по трубе, носится ветер.

Автобус снова трогается. Шофер, молодой еще парень, оглядывается через плечо на пассажиров и лезет в карман за папиросой. Кузьма обрадованно спохватывается: он совсем забыл про папиросы. Через минуту по автобусу плывет синий клочковатый дым.

Опять деревня. Шофер останавливает автобус возле столовой и поднимается.

- Перерыв, – говорит он. – Кто будет завтракать, пойдемте, а то еще ехать да ехать.

Кузьме есть не хочется, и он выходит, чтобы размяться. Рядом со столовой магазин, точно такой же, как и у них в деревне. Кузьма поднимается на высокое крыльцо, открывает дверь. Все так же, как и у них: в одной стороне – продовольственные, в другой – промтовары. У прилавка о чем-то болтают три женщины, продавщица, скрестив руки на груди, лениво их слушает. Она моложе Марии, и у нее, видно, все хорошо: она спокойна.

Кузьма подходит к горячей печке и вытягивает над ней руки. Отсюда в окно видно будет, когда шофер выйдет из столовой, и Кузьма успеет добежать. Ветер хлопает ставнем,

продавщица и женщины оборачиваются и смотрят на Кузьму. Ему хочется подойти к продавщице и сказать ей, что у них в деревне магазин точно такой же и что его Мария полтора года тоже стояла за прилавком. Но он не двигается. Ветер снова хлопает ставнем, и женщины опять оборачиваются и смотрят на Кузьму.

Кузьма хорошо знает, что ветер поднялся только сегодня и что еще ночью, когда он вставал, было спокойно, и все-таки не может отделаться от чувства, что ветер дует давно, все эти дни.

Пять дней назад пришел мужик лет сорока или чуть побольше, с виду не городской и не деревенский, в светлом плаще, в кирзовых сапогах и в кепке. Марии дома не было. Мужик наказал, чтобы завтра она не открывала магазин, он приехал делать учет.

На следующий день началась ревизия. В обед, когда Кузьма заглянул в магазин, там стоял полный тарарам. Все банки, коробки и пачки Мария и ревизор вытаскивали на прилавок, по десять раз считали их и пересчитывали, сюда же принесли из склада большие весы и наваливали на них мешки с сахаром, с солью и крупой, собирали ножом с оберточной бумаги масло, гремели пустыми бутылками, перетаскивая их из одного угла в другой, выковыривали из ящика остатки слипшихся леденцов. Ревизор с карандашом за ухом бойко бегал между горами банок и ящиков, вслух их считал, почти не глядя, перебирал чуть ли не всеми пятью пальцами на счетах костяшки, называл какие-то цифры и, чтобы записать их, встряхивая головой, ловко ронял себе в руку карандаш. Видно было, что дело свое он знает хорошо.

Мария пришла домой поздно, вид у нее был измученный.

– Как там у тебя? – осторожно спросил Кузьма.

– Да как – пока никак. На завтра еще промтовары остались. Завтра как-нибудь будет.

Она накричала на ребят, которые что-то натворили, и сразу легла. Кузьма вышел на улицу. Где-то палили свиную тушу, и сильный, приятный запах разошелся по всей деревне. Страда кончилась, картошку выкопали, и теперь люди готовятся к празднику, ждут зиму. Хлопотливое, горячее время осталось позади, наступило межсезонье, когда можно погулять, осмотреться по сторонам, подумать. Пока тихо, но через неделю деревня взвырует, люди вспомнят о всех праздниках, старых и новых, пойдут, обнявшись, от дома к дому, закричат, запоют, будут опять вспоминать войну и за столом простят друг другу все свои обиды.

Кузьма вернулся домой, сказал ребятишкам, чтобы они долго не сидели, и лег. Мария спала, не слышно было даже ее дыхания. Кузьма задремал, но ребята в своей комнате раскричались, и ему пришлось подняться и успокоить их. Стало тихо. Потом на кого-то загавкали на улице собаки и сразу умолкли.

Утром, когда Кузьма проснулся, Марии уже не было. Он позавтракал и на весь день уехал во вторую бригаду – председатель еще накануне попросил его посмотреть, что у них там с овощехранилищем и какие материалы нужны для ремонта. За этими делами о ревизии Кузьма совсем забыл и, только когда подходил к дому, вспомнил. На крыльце сидел Витька, старший из ребят, он увидел отца и убежал в дом. «Что это с ним?» – с недобрим предчувствием подумал Кузьма и заторопился.

Его ждали. Мария сидела за столом, глаза у нее были заплаканные. Ревизор, пристроившись на табуретке около двери, поздоровался с Кузьмой растерянно и виновато. Ребятишки, все четверо, выстроились возле русской печи строго по порядку – один на голову ниже другого. Кузьма все понял. Ни о чем не спрашивая, он снял с себя грязные сапоги и босиком прошел в комнату за тапочками. Их там не было. Он вернулся, поискал у дверей, не нашел и спросил у ребят:

– Не видали мои тапочки?

Мария, не выдержав, заплакала и убежала в комнату. Кузьма без всякого удивления проводил ее застывшим взглядом и закричал на ребят:

– Найдутся мои тапочки сегодня или нет?

Он смотрел, как они, не отрываясь друг от друга, будто связанные, тычутся в углы, лезят под кроватями, семят цепочкой из комнаты в комнату, и все больше и больше терялся, не зная, что делать, что сказать.

Тапочки, наконец, нашлись. Кузьма сунул в них босые ноги, пошел к Марии. Она, закрыв руками лицо, лежала на кровати и всхлипывала. Он повернул к себе ее лицо и спросил:

- Сколько?
- Ты-тысяча.
- Что – новыми?

Мария не ответила. Отвернувшись к стене, она снова закрыла лицо руками и зарыдала. Глядя, как дергается ее тело, Кузьма на какое-то мгновение вдруг потерял связь с тем, что происходит, – настолько это было неожиданно и страшно. Потом очнулся, как во сне, вышел к ревизору и показал ему, чтобы тот сел к столу. Ревизор послушно пересел. Кузьма достал папиросу и, торопясь, закурил. Сначала ему надо было прийти в себя. Он курил, делая затяжки так часто, будто пил воду. В ребячьей комнате вдруг до крика сорвался голос из радиоприемника, и Кузьма вздрогнул.

- Уберите его!

Ребятишки оторвались от печки, не меняя порядка, в каком стояли, зашлепали друг за другом в комнату, и голос смолк. Когда Кузьма поднял голову, они уже снова стояли у печки, готовые выполнить любое его приказание. Злость постепенно остывала, и Кузьме стало жалко их. Они ни в чем не виноваты. Он сказал ревизору:

– Я с тобой буду как на духу – не таскали мы оттуда ни одной крупинки. Я специально это при ребятах говорю, я при них врать не стану. Сам видишь, живем мы небогато, но чужого нам не надо.

Ревизор молчал.

- Так скажи, откуда столько? Тысяча, что ли?
- Тысяча, – подтвердил ревизор.
- Новыми?
- Теперь на старые счета нет.

– Да ведь это сумасшедшие деньги, – задумчиво произнес Кузьма. – Я столько и в руках не держал. Мы ссуду в колхозе брали семьсот рублей на дом, когда ставили, и то много было, до сегодняшнего дня не расплатились. А тут тысяча. Я понимаю, можно ошибиться, набегит там тридцать, сорок, ну, пускай сто рублей, но откуда тысяча? Ты, видать, на этой работе давно, должен знать, как это получается.

- Не знаю, – покачал головой ревизор.
- А не могли ее сельповские с фактурой нагреть?
- Не знаю. Все могло быть. Я вижу, образование у нее небольшое.
- Какое там образование – грамотешка! С таким образованием только получку считать, а не казенные деньги. Я ей сколько раз говорил: не лезь не в свои сани. Работать как раз

некому было, ее и уговорили. А потом как будто все ладно пошло.

- Товары она всегда сама получала или нет? – спросил ревизор.
- Нет. Кто поедет, с тем и заказывала.
- Тоже плохо. Так нельзя.
- Ну вот...
- А самое главное: целый год не было учета.

Они замолчали, и в наступившей тишине стало слышно, как в спальне все еще всхлипывает Мария. Где-то вырвалась из раскрытой двери на улицу песня, прогудела, как пролетающий шмель, и стихла – после нее всхлипы Марии показались громкими и булькали, как обрывающиеся в воду камни.

– Что же теперь будет-то? – спросил Кузьма, непонятно к кому обращаясь – к самому себе или к ревизору.

Ревизор покосился на ребят.

– Идите отсюда! – цыкнул на них Кузьма, и они гуськом засеменили в свою комнату.

– Я завтра еду дальше, – придвигаясь к Кузьме, негромко начал ревизор. – Мне надо будет еще в двух магазинах сделать учет. Это примерно дней на пять работы. А через пять дней... – Он замялся. – Одним словом, если вы за это время внесете деньги... Вы меня понимаете?

– Чего ж не понять, – откликнулся Кузьма.

– Я же вижу: ребятишки, – сказал ревизор. – Ну, осудят ее, дадут срок...

Кузьма смотрел на него с жалкой, подергивающейся улыбкой.

– Только поймите: об этом никто не должен знать. Я не имею права так делать. Я сам рискую.

– Понятно, понятно.

– Собирайте деньги, и мы постараемся это дело замять.

– Тысячу рублей, – сказал Кузьма.

– Да.

– Понятно, тысячу рублей, одну тысячу. Мы соберем. Нельзя ее судить. Я с ней много лет живу, ребятишки у нас.

Ревизор поднялся.

– Спасибо тебе, – сказал Кузьма и, кивая, пожал ревизору руку. Тот ушел. Во дворе за ним скрипнула калитка, перед окнами прозвучали и затихли шаги.

Кузьма остался один. Он пошел на кухню, сел перед не топленной со вчерашнего дня печкой и, опустив голову, сидел так долго-долго. Он ни о чем не думал – для этого уже не было сил, он застыл, и только голова его опускалась все ниже и ниже. Прошел час, второй, наступила ночь.

– Папа!

Кузьма медленно поднял голову. Перед ним стоял Витька – босиком, в майке.

– Чего тебе?

– Папа, у нас все в порядке будет?

Кузьма кивнул. Но Витька не уходил, ему надо было, чтобы отец сказал это словами.

– А как же! – ответил Кузьма. – Мы всю землю перевернем вверх тормашками, а мать не отдадим. Нас пятеро мужиков, у нас получится.

– Можно, я скажу ребятам, что у нас все в порядке будет?

– Так и скажи: всю землю перевернем вверх тормашками, а мать не отдадим.

Витька, поверив, ушел.

Утром Мария не поднялась. Кузьма встал, разбудил старших ребят в школу, налил им вчерашнего молока. Мария лежала на кровати, уставив глаза в потолок, и не шевелилась. Она так и не разделась, лежала в платье, в котором пришла из магазина, лицо у нее заметно опухло. Перед тем как уходить, Кузьма постоял над ней, сказал:

– Отойдешь немножко, вставай. Ничего, обойдется, люди помогут. Не стоит тебе раньше времени из-за этого помирать.

Он пошел в контору, чтобы предупредить, что на работу не выйдет.

Председатель был у себя в кабинете один. Он поднялся, подал Кузьме руку и, пристально глядя на него, вздохнул.

– Что? – не понял Кузьма.

– Слышал я про Марию, – ответил председатель. – Теперь уж вся деревня, поди, знает.

– Все равно не скроешь – пускай, – потерянно махнул рукой Кузьма.

– Что будешь делать? – спросил председатель.

– Не знаю. Не знаю, куда и пойти.

– Надо что-нибудь делать.

– Надо.

– Сам видишь, ссуду я тебе сейчас дать не могу, – сказал председатель. – Отчетный год на носу. Отчетный год кончится, потом посоветуемся, может, дадим. Дадим – чего там! А пока занимай под ссуду, все легче будет, не под пустое место просишь.

– Спасибо тебе.

– Нужны мне твои «спасибо»! Как Мария-то?

– Плохо.

– Ты иди скажи ей.

– Надо сказать. – У дверей Кузьма вспомнил: – Я на работу сегодня не выйду.

– Иди, иди. Какой из тебя теперь работник! Нашел о чем говорить!

Мария все еще лежала. Кузьма присел возле нее на кровать и сжал ее плечо, но она не откликнулась, не дрогнула, будто ничего и не почувствовала.

– Председатель говорит, что после отчетного собрания даст ссуду, – сказал Кузьма.

Она слабо шевельнулась и снова замерла.

– Ты слышишь? – спросил он.

С Марией вдруг что-то случилось: она вскочила, обвила шею Кузьмы руками и повалила его на кровать.

– Кузьма! – задыхаясь, шептала она. – Кузьма, спаси меня, сделай что-нибудь, Кузьма!

Он пробовал вырваться, но не мог. Она упала на него, сдавила ему шею, закрыла своим лицом его лицо.

– Родной мой! – иступленно шептала она. – Спаси меня, Кузьма, не отдавай им меня!

Он, наконец, вырвался.

– Дура баба, – прохрипел он. – Ты что, с ума сошла?

– Кузьма! – слабо позвала она.

– Чего это ты выдумала? Ссуда вот будет, все хорошо будет, а ты как sdурела.

– Кузьма!

– Ну что?

– Кузьма! – ее голос становился все слабей и слабей.

– Здесь я.

Он сбросил сапоги и прилег рядом с ней. Мария дрожала, ее плечи дергались и подпрыгивали. Он обнял ее и стал водить по плечу своей широкой ладонью – взад и вперед, взад и вперед. Она прижалась к нему ближе. Он все водил и водил ладонью по ее плечу, пока она не затихла. Он еще полежал рядом с ней, потом поднялся. Она спала.

Кузьма размышлял: можно продать корову и сено, но тогда ребятишки останутся без молока.

Из хозяйства продавать больше было нечего. Корову тоже надо оставить на последний случай, когда не будет выхода. Значит, своих денег нет ни копейки, все придется занимать. Он не знал, как можно занять тысячу рублей, эта сумма представлялась ему настолько огромной, что он все путал ее со старыми деньгами, а потом спохватывался и, холодея, обрывал себя. Он допускал, что такие деньги существуют, как существуют миллионы и миллиарды, но то, что они могут иметь отношение к одному человеку, а тем более к нему, казалось Кузьме какой-то ужасной ошибкой, которую – начини он только поиски денег – уже не исправить. И он долго не двигался – казалось, он ждал чуда, когда кто-то придет и скажет, что над ним подшутили и что вся эта история с недостачей ни его, ни Марии не касается. Сколько людей было вокруг него, которых она действительно не касалась!

Хорошо еще, что шофер подогнал автобус к самому вокзалу и Кузьме не пришлось добираться к нему по ветру, который как начал дуть от дома, так и не перестал. Здесь, на

станции, гремит на крышах листовое железо, по улице метет бумагу и окурки, и люди семечьят так, что не понять – или их несет ветер, или они все же справляются с ним и бегут, куда им надо, сами. Голос диктора, объявляющего о прибытии и отправлении поездов, рвется на части, комкается, и его невозможно разобрать. Гудки маневровых паровозов, пронзительные свистки электровозов кажутся тревожными, как сигналы об опасности, которую надо ждать с минуты на минуту.

За час до поезда Кузьма становится в очередь за билетами. Кассу еще не открывали, и люди стоят, подозрительно следя за каждым, кто проходит вперед. Минутная стрелка на круглых электрических часах над окошечком кассы со звоном прыгает от деления к делению, и люди всякий раз задирают головы, мучаются.

Наконец кассу открывают. Очередь сжимается и замирает. В окошечко кассы просовывается первая голова; проходит две, три, четыре минуты, а очередь не движется.

– Что там – торгуются, что ли? – кричит кто-то сзади.

Голова выползает обратно, и женщина, стоявшая в очереди первой, оборачивается:

– Оказывается, нет билетов.

– Граждане, в общие и плацкартные вагоны билетов нет! – кричит кассирша.

Очередь комкается, но не расходится.

– Не знают, как деньги выманить, – возмущается толстая, с красным лицом и в красном платке тетка. – Понаделали мягких вагонов – кому они нужны? Уж на что самолет, и то в нем все билеты поровну стоят.

– В самолетах и летайте, – беззлобно отвечает кассирша.

– И полетим! – кипятится тетка. – Вот еще раз, два такие фокусы выкинете, и ни один человек к вам не пойдет. Совести у вас нету.

– Летайте себе на здоровье – не заплачем!

– Заплачешь, голубушка, заплачешь, когда без работы-то останешься.

Кузьма отходит от кассы. Теперь до следующего поезда часов пять, не меньше. А может, все-таки взять в мягкий? Черт с ним! Неизвестно еще, будут в том поезде простые места или нет – может, тоже одни мягкие? Зря прождешь. «Снявши голову, по волосам не плачут», – почему-то вспоминает Кузьма. В самом деле – лишняя пятерка погоды теперь не сделает. Тысяча нужна – чего уж теперь по пятерке плакать.

Кузьма возвращается к кассе. Очередь разошлась, и перед кассиршей лежит раскрытая книга.

– Мне до города, – говорит ей Кузьма.

– Билеты только в мягкий вагон, – будто читает кассирша, не поднимая глаз от книги.

– Давай куда есть.

Она отмечает линейкой прочитанное, откуда-то сбоку достает билет и сует его под компостер.

Теперь Кузьма прислушивается, когда назовут его поезд. Поезд подойдет, он сядет в мягкий вагон и со всеми удобствами доедет до города. Утром будет город. Он пойдет к брату и возьмет у него те деньги, которых не хватает до тысячи. Наверное, брат снимет их с книжки. Перед отъездом они посидят, выпьют на прощанье бутылку водки, а потом Кузьма отправится обратно, чтобы успеть к возвращению ревизора. И пойдет у них с Марией опять все как надо, заживут как все люди. Когда кончится эта беда и Мария отойдет, будут они и дальше растить ребят, ходить с ними в кино – как-никак свой колхоз: пятеро мужиков и мать. Всем им еще жить да жить. По вечерам, укладываясь спать, будет он, Кузьма, как и раньше, заигрывать с Марией, шлепать ее по мягкому месту, а она будет ругаться, но не зло, понарошку, потому что она и сама любит, когда он дурачится. Много ли им надо, чтобы все было хорошо? Кузьма приходит в себя. Много, ох много – тысячу рублей. Но теперь уже не тысячу, больше половины из тысячи он с грехом пополам достал. Ходил унижался, давал

обещания, где надо и не надо, напоминал о ссуде, боясь, что не дадут, а потом, стыдясь, брал бумажки, которые жгли руки и которых все равно было мало.

К первому он, как, наверно, и любой другой в деревне, пошел к Евгению Николаевичу.

– А, Кузьма, – встретил его Евгений Николаевич, открывая дверь. – Заходи, заходи.

Присаживайся. А я уж думал, что ты на меня сердишься – не заходишь.

– За что мне на тебя сердиться, Евгений Николаевич?

– А я не знаю. Об обидах не все говорят. Да ты садись. Как жизнь-то?

– Ничего.

– Ну-ну, прибедняйся. В новый дом переехал и все ничего?

– Да мы уж год в новом доме. Чего теперь хвастать?

– А я не знаю. Ты не заходишь, не рассказываешь.

Евгений Николаевич убрал со стола раскрытые книги, не закрывая, перенес их на полку. Он моложе Кузьмы, но в деревне его величают все, даже старики, потому что вот уже лет пятнадцать он директор школы, сначала семилетки, потом восьмилетки. Родился и вырос Евгений Николаевич здесь же и, закончив институт, крестьянского дела не забыл: сам косит, плотничает, держит у себя большое хозяйство, когда есть время, ходит с мужиками на охоту, на рыбалку. Кузьма сразу пошел к Евгению Николаевичу потому, что знал: деньги у него есть. Живет он вдвоем с женой – она у него тоже учительница, – зарплата у них хорошая, а тратить ее особенно некуда, все свое – и огород, и молоко, и мясо.

Видя, что Евгений Николаевич собирает книги, Кузьма приподнялся.

– Может, я не ко времени?

– Сиди, сиди, как это не ко времени! – удержал его Евгений Николаевич. – Время есть.

Когда мы не на работе, время у нас свое, не казенное. Значит, и тратить мы его должны как душе угодно, правда?

– Как будто.

– Почему «как будто»? Говори, правда. Время есть. Чай вот можно поставить.

– Чай не надо, – отказался Кузьма. – Не хочу. Недавно пил.

– Ну, смотри. Говорят, сытого гостя легче потчевать. Правда?

– Правда.

Кузьма поерзал на стуле, решился:

– Я, Евгений Николаевич, по делу к тебе тут по одному пришел.

– По делу? – Евгений Николаевич, насторожившись, сел за стол. – Ну, так давай говори.

Дело есть дело, его решать надо. Как говорят, куй железо, пока горячо.

– Не знаю, как и начать, – замялся Кузьма.

– Говори, говори.

– Да дело такое: деньги я пришел у тебя просить.

– Сколько тебе надо? – зевнул Евгений Николаевич.

– Мне много надо. Сколько дашь.

– Ну, сколько – десять, двадцать, тридцать?

– Нет, – покачал головой Кузьма. – Мне надо много. Я тебе скажу зачем, чтобы понятно было. Недостача у моей Марии большая получилась – может, ты знаешь?

– Ничего не знаю.

– Вчера ревизию кончили – и вот преподнесли, значит.

Евгений Николаевич забарабанил по столу костяшками пальцев.

– Неприятность какая, – сказал он.

– А?

– Неприятность, говорю, какая. Как это у нее получилось?

– Вот получилось.

Они замолчали. Стало слышно, как тикает где-то будильник; Кузьма искал его глазами, но не нашел. Будильник стучал, почти захлебываясь. Евгений Николаевич вновь забарабанил по столу пальцами. Кузьма взглянул на него – он чуть заметно морщился.

– Судить могут, – сказал Евгений Николаевич.

– Для того деньги и ищу, чтоб не судили.

– Все равно судить могут. Растрата есть растрата.

– Нет, не могут. Она оттуда не брала, я знаю.

– Что ты мне-то говоришь? – обиделся Евгений Николаевич. – Я не судья. Ты им скажи. Я говорю это к тому, что надо осторожно: а то и деньги внесешь, и судить будут.

– Нет. – Кузьма вдруг почувствовал, что он и сам боится этого, и сказал больше себе, чем ему. – Теперь смотрят, чтоб не зря. Мы не пользовались этими деньгами, они нам не нужны. У ней ведь недостача эта оттого, что малограмотная она, а не как-нибудь.

– Они этого не понимают, – махнул рукой Евгений Николаевич.

Кузьма вспомнил про ссуду и, не успев успокоиться, сказал жалобно и просяще, так что противно стало самому:

– Я ведь ненадолго занимаю у тебя, Евгений Николаевич. Месяца на два, на три. Мне председатель ссуду пообещал после отчетного собрания.

– А сейчас не дает?

– Сейчас нельзя. Мы еще за старую не расплатились, когда дом ставили. И так навстречу идет, другой бы не согласился.

Снова вырвалась откуда-то частая дробь будильника, застучала тревожно и громко, но Кузьма и на этот раз не нашел его. Будильник мог стоять или за шторой на окне, или на книжной полке, но звук, казалось, шел откуда-то сверху. Кузьма не вытерпел и взглянул на потолок, а потом выругал себя за дурость.

– А ты уже к кому-нибудь ходил? – спросил Евгений Николаевич.

– Нет, к тебе первому.

– Что ж делать – дать придется! – вдруг воодушевляясь, сказал Евгений Николаевич. – Если не дать, ты скажешь: вот Евгений Николаевич пожалел, не дал. А люди обрадуются.

– Зачем мне про тебя говорить, Евгений Николаевич?

– А я не знаю. Я не про тебя, конечно, – вообще. Народ всякий. Только у меня деньги на сберкнижке в районе. Я специально подальше их держу, чтоб не вытаскивать по пустякам. Ехать туда надо. Времени вот сейчас нет. – Он опять поморщился. – Придется съездить. Дело такое. У меня там сотня и есть – сниму. Это правильно: мы друг другу помогать должны.

Кузьма, как-то вдруг сразу обессилев, молчал.

– На то мы и люди, чтобы быть вместе, – говорил Евгений Николаевич. – Про меня в деревне всякое болтают, а я никому еще в помощи не отказывал. Ко мне часто приходят: то пятерку, то десятку дай. Другой раз последние отдаю. Правда, люблю, чтобы возвращали, за здорово живешь тоже работать неохота.

– Я отдам, – сказал Кузьма.

– Да я не про тебя, я знаю, что ты отдашь. Вообще говорю. У тебя совесть есть, я знаю. А у некоторых нет – так живут. Да ты сам знаешь – что тебе говорить! Народ всякий.

Евгений Николаевич все говорил и говорил, и у Кузьмы разболелась голова. Он устал. Когда он, наконец, вышел на улицу, последний туман, который держался до обеда, рассеялся, и светило солнце. Воздух был прозрачный и ломкий – как всегда в последние погожие дни поздней осени. Лес за деревней казался близким, и стоял он не сплошной стеной, а делился на деревья, уже голые и посветлевшие.

На воздухе Кузьме стало легче. Он шел, и идти ему было приятно, но где-то внутри, как нарыв, по-прежнему зудила боль. Он знал – это надолго.

Мария все-таки поднялась, но рядом с ней за столом сидела Комариха. Кузьма сразу понял, в чем дело.

– Ты уж прибежала. – Он готов был выбросить Комариху за дверь. – Почуяла. Как ворона на падаль.

– Я не к тебе пришла, и ты меня не гони, – затараторила Комариха. – Я вот к Марии пришла, по делу.

– Знаю я, по какому ты делу пришла.

– По какому надо, по такому и пришла.

– Вот-вот.

Мария, сидевшая неподвижно, повернулась.

– Ты, Кузьма, в наши дела не лезь. Не нравится – уйди в другую комнату или еще куда. Не бойся, Комариха, давай дальше.

– Я не боюсь. – Комариха достала откуда-то из-под юбки карты, косясь на Кузьму, стала раскладывать. – Поди, не ворую – чего мне бояться. А на всех если внимание обращать, нервов не хватит.

– Сейчас она тебе наворожит! – усмехнулся Кузьма.

– А как карты покажут, так и скажу, врать не стану.

– Где там – всю правду выложишь!

Мария повернула голову, с затаившейся болью сказала:

– Уйди, Кузьма!

Кузьма сдержался, умолк. Он ушел на кухню, но и здесь было слышно, как Комариха плюет на пальцы, заставляет Марию вытягивать из колоды три карты, бормочет:

– А казенный дом тебе, девка, слава те Господи, не выпал. Врать не стану, а нету. Вот она, карта. Будет тебе дальняя дорога – вот она, дорога, и бубновый интерес.

– Ага, орден в Москву вызовут получать, – не выдержал Кузьма.

– И будут у тебя хлопоты, большие хлопоты – не маленькие. Вот они, здесь. До трех раз надо. – Видно, Комариха собрала карты. – Сними-ка, девка. Хотя нет, подожди, тебе снимать нельзя. Надо, чтобы был чужой человек, который не ворожит. У тебя ребятишки дома?

– Нету.

– Ах ты, беда!

– Да давай сниму, – сказала Мария.

– Нет, нельзя, карта другая пойдет. Эй, Кузьма! – ласково запела Комариха. – Иди-ка к нам сюда на минутку. Ты на нас, грешных, не сердчай. У тебя свое поверье, у нас свое. Сними-ка нам, дружок, шапку с колоды.

– Язви тебя! – Кузьма подошел и толкнул сверху карты.

– Вот так. У меня зять тоже не верил, партийный был – как же! – а как в сорок восьмом под суд его отдали, в тот же вечер ко мне за молитвой прибежал.

Она раскладывала карты вниз картинками, продолжала:

– Это ведь до поры до времени не верят, пока жизнь спокойная. А случись беда, да не так чтоб просто беда, а беда с горем – сра-а-зу и про Бога вспоминают и про слуг его, которым в глаза плевали.

– Мели, мели, Комариха, – устало отмахнулся Кузьма.

– А я не мелю. Говорю как знаю. Вот ты, думаешь, не веришь хоть и в эту ворожбу? Это тебе только кажется, что не веришь. А случись завтра война, думаешь, не интересно тебе будет сворожить, убьют тебя или не убьют?

– Да ты раскрывай карты-то, – заторопила Мария.

Комариха отступилась от Кузьмы и затянула опять про бубновые интересы и крестовые хлопоты. Кузьма прислушался: казенный дом не выпал и на этот раз.

После Комарихи они остались дома вдвоем. Мария все так же сидела за столом, спиной к Кузьме, и смотрела в окно. Кузьма курил.

Мария не шевелилась. Кузьма за ее спиной приподнялся и посмотрел туда, куда смотрела она, но ничего не увидел. Он боялся заговорить с ней, боялся, что, скажи он хоть слово, произойдет что-нибудь нехорошее, что потом не поправить. Молчать было тоже невозможно. У него опять разболелась голова, и острые, тукающие удары били в висок, заставляя его ждать их и бояться.

Мария молчала. Он исподволь следил за нею, но он мог бы и не следить, потому что, пошевелись она, он в тишине сразу услышал бы любой ее шорох. Он ждал.

Наконец она пошевелилась, и он вздрогнул.

– Кузьма, – произнесла она, по-прежнему глядя в окно.

Он увидел, что она смотрит в окно, и опустил глаза.

Вдруг она засмеялась. Он смотрел в пол и не поверил, что это смеется она.

Она засмеялась во второй раз, но теперь ее смех был где-то далеко. Он поднял глаза – ее не было. Он испугался. Оглядываясь, он поднялся и осторожно подошел к двери, ведущей в спальню. Она лежала на кровати.

– Иди сюда, – позвала она, не глядя на него. Он подошел.

– Ляг, лежи со мной.

Он осторожно лег рядом с ней и почувствовал, что она дрожит.

Через полчаса она рассказала:

– Ты, поди, решил, что я сошла с ума. Я и правда ненормальная. То плачу, то вдруг стала смеяться. Я вспомнила, кто-то рассказывал, что бабы там, в тюрьмах этих, вытворяют друг над другом. Срам какой. Мне стало нехорошо. А потом думаю: да ведь я еще не там, я еще здесь.

Она прижалась к Кузьме и заплакала.

– Ну вот и опять плачу, – всхлипывала она. – Не отдавай ты им меня, не отдавай, хороший ты мой. Не хочу...

Поезд подходит медленно, уже остановившись, в последний раз со скрежетом дергается и замирает. Кузьма замерз, но в вагон поднимается не сразу. Стоит, смотрит. Несколько пассажиров с поезда мечутся по перрону, перебегая от одного киоска к другому, – со стороны кажется, что их кружит ветер. Откуда-то из-за туч пробивается легкое и тонкое, как высохший лист, солнечное пятно, хотя самого солнца не видно; подрагивая, оно чуть держится на платформе, на крышах вагонов, но ветер быстро срывает его и уносит.

Кузьма ездит редко и всякий раз чувствует себя в дороге беспокойно, будто он потерял все, что у него в жизни было, и теперь ищет другое, но неизвестно еще, найдет или нет. В этот раз особенно: он знает, что надо ехать, и все-таки ехать боится. А тут еще ветер. Конечно, ветер не может иметь никакого отношения ни к истории с Марией, ни к поездке в город, он дует сам по себе, как дул, наверно, и в прошлом и в позапрошлом году, когда у Кузьмы с Марией было все хорошо, и тем не менее Кузьма не может отделаться от чувства, что одно с другим связано и ветер дует не зря. И то, что не было билетов в общие вагоны, тоже, наверно, не так просто, что-нибудь вроде предупреждения: мол, если не дурак, то поймешь и никуда не поедешь.

По радио объявляют, что до отхода поезда осталось две минуты, и Кузьма, заторопившись, идет к своему вагону, но перед тем как подняться, оборачивается к вокзалу и думает: с чем же я приеду обратно? Как ни удивительно, это помогает ему, будто он прочитал молитву и доверил свою судьбу кому-то другому, а сам теперь может ничего не делать. Он стоит у окна и смотрит, как за поездом сходятся друг с другом станционные постройки, и ему странно думать, что еще утром он был дома. Кажется, это было давным-давно. Он вздыхает. Скоро его мучения с деньгами кончатся – плохо ли, хорошо ли, но кончатся: через два дня приедет

ревизор, и тогда все решится. Два дня – это немного. Он чувствует усталость, страшную усталость, которая тем и страшна, что она не физическая – к физической он привык.

– Билет ваш покажите! – раздается за его спиной голос.

Кузьма оборачивается – подошла проводница, уже немолодая, уставшая от поездок. Она вертит в руках билет и несколько раз переводит взгляд с него на Кузьму и обратно, будто Кузьма этот билет украл или подделал; в этот момент она, пожалуй, искренне жалеет, что на билеты не наклеивают фотографии пассажиров, а без фотографии доказать ничего нельзя.

Проводница смотрит на сапоги, и Кузьма тоже опускает глаза – на ярком, до стеклянности чистом ковре его поношенные, изрядно запылившись в дороге кирзовые сапоги сорок второго размера выглядят гусеницами трактора, на котором заехали в цветник. Кузьма хочет оправдаться и виновато говорит:

– В другие вагоны билетов не было.

– А вы и рады, – зло бросает она и, не имея возможности выгнать его, но и не желая с ним больше разговаривать, делает знак, чтобы он шел за ней.

Она стучит в одну из узких, будто игрушечных, синих дверок, потом отодвигает ее в сторону и, став у входа сбоку, так что Кузьму хорошо видно вместе с его сапогами, фуфайкой и армейской сумкой, говорит виновато, совсем как Кузьма перед этим говорил ей самой:

– Извините, пожалуйста, тут вот пассажир... – она делает паузу и, оправдываясь, заканчивает: – С билетом.

– Неужели с билетом? – щури один глаз, удивленно спрашивает военный; потом Кузьма разглядит, что он полковник.

– Не может быть! – сидящий рядом с полковником человек в белой майке с выгибающимся брюшком испуганно повторяет: – Не может быть!

Проводница натянуто улыбается. Потом произносит:

– С билетом...

– Неужели нельзя было посадить к нам кого-нибудь без билета?! – полковник недовольно качает головой и даже цокает языком. – Ведь мы же вас просили.

Человек в белой майке, не сдержавшись, смеется легким, без всякого напряжения смехом, с частыми звуками, совсем как мотор мотоцикла, работающий на средних оборотах, и полковник, выданный этим смехом, теперь тоже улыбается.

– Вы все шутите, – с явным облегчением говорит проводница, по-прежнему выглядывающая из-за двери. – Мне, правда, больше его некуда девать, все занято. – Уходя, она уже и сама пытается шутить. – Но он с билетом...

– Заходи, заходи, – кивает полковник Кузьме.

Кузьма переступает в купе и у дверей останавливается.

– Полка твоя вон там, – полковник показывает вверх. – Опускай ее и, если хочешь, устраивайся. Не робей, тут все свои.

– Да я не робею.

– Воевал?

– Довелось.

– Ну, тем более. Тогда ничего не страшно.

– Относительно того, что все занято, она, мягко говоря, несколько присочинила, – подает вдруг голос человек, лежащий на второй нижней полке. – Рядом с нами, в девятом, тоже трое. Туда она, однако же, не пошла.

– Ну-у, – понимающе отвечает ему человек в белой майке. – К ним она так просто не пойдет.

– А к нам, выходит, можно?

– Она, Геннадий Иванович, привыкла разбираться, кто из нас чего стоит. Ей удостоверения личности не нужны. И тебя она в первую же минуту рассмотрела, что ты всего-навсего какой-то там директор радиостанции, – человек в белой майке подмигивает полковнику.

– Не директор радиостанции, а председатель областного комитета по радиовещанию и телевидению, – сухо поправляет Геннадий Иванович.

– Поверьте, для нее это не имеет разницы.

– Не понимаю... – Геннадий Иванович поджимает губы, так и не договорив, чего он не понимает. Он лежит в пижаме, пижамные брюки заправлены в носки, роста он маленького, с красивым немужским лицом, на котором прежде всего обращают на себя внимание большие, холодно глядящие глаза. Голову с гладко зачесанными длинными волосами Геннадий Иванович поворачивает медленно, с достоинством, а повернув, поправляет ее так, чтобы она сидела красиво.

Кузьма все еще стоит; хотел снять с себя фуфайку, но посмотрел – обе вешалки с той стороны, где его полка, заняты, а повесить ее поверх дорогого коричневого пальто не решился – не замарать бы пальто. Фуфайка вообще-то чистая, но мало ли что – все-таки надеванная. Сумку он пристроил на свободное местечко на полу у дверей – так что с сумкой все в порядке.

Опустить бы полку, может, там и для фуфайки найдется место где-нибудь в ногах, но Кузьма не знает, как она опускается; на всякий случай он дергает ее вниз и, обернувшись, встречает насмешливые глаза Геннадия Ивановича.

– Подожди, подожди, – полковник поднимается и снимает задвижку, которая держала полку. – Вот так. Техника, брат. А то ты мужик здоровый, чего доброго, вагон перевернешь.

– Из деревни? – спрашивает Кузьму человек в белой майке.

– Из деревни.

– Постель должна быть где-то там, – полковник показывает на нишу над дверью, похожую на деревенские полаты. Туда, в эту нишу, и заталкивает Кузьма фуфайку, потому что его полка обтянута белым и положить на нее фуфайку нельзя. Но, слава богу, место нашлось. Он чувствует, что стало легче, теперь осталось пристроить куда-нибудь самого себя.

– Как ты думаешь, Геннадий Иванович, почему я догадался, что товарищ из деревни? – спрашивает человек в белой майке.

– По духу.

– Нет, по лицу. Обрати внимание: у деревенских, почти у всех, без исключения, черные, загорелые лица. Они всегда на воздухе.

– А я думал, по духу, – насмешливо повторяет Геннадий Иванович.

Полковник, освобождая для Кузьмы место, отодвигается, и Кузьма садится – сначала на краешек, потом, поняв, что Геннадий Иванович заметил это, устраивается удобней. Он сидит у двери, у окна сидит человек в белой майке, между ними полковник. На другой полке – с подогнутыми в коленях ногами лежит на спине Геннадий Иванович. Кузьма поднимает на него глаза и сразу отводит их: Геннадий Иванович внимательно рассматривает его. Потом Кузьме кажется, что Геннадий Иванович смотрит на него не переставая, но он размышляет, что смотреть не переставая тот не может, а значит, это ему только кажется – такие у него глаза. Видно, он уже давно начальник, думает Кузьма, а сам по себе человек не сильно добрый. Голос у него слабый, голосом он взять не может, вот и научился брать глазами, чтобы люди его глаз боялись.

– Как вы там в деревне, дорогой товарищ? От-стра-довались? – человек в белой майке с трудом произносит непривычное для себя слово.

– Отстрадавались, – отвечает Кузьма.

– И как урожай?

– В этом году ничего. В нашей местности вообще-то больших урожаев не бывает, но в этом году по двенадцать центнеров пшеницы на круг взяли.

– В этом году урожай везде хороший, – говорит полковник. – Так что деревня живет.

– А она всегда живет, – с нажимом, как бы вдавливая слова, говорит Геннадий Иванович. – Когда нет своего, берет ссуду у государства, когда надо расплачиваться, снова берет ссуду. И так до тех пор, пока государству ничего не остается, как плюнуть на эти долги и аннулировать их.

– Это было не от хорошей жизни, – заглядывая в окно, возражает человек в белой майке. – Сами знаете.

Геннадий Иванович хмыкает.

– Сколько рабочих ваш завод теряет каждую осень, когда в деревне начинается уборка? – спрашивает он.

– Что ж поделаешь? Видно, иначе нельзя. Деревне одной не под силу.

– А бросьте. Но давайте даже допустим, что это так. Почему же в таком случае, когда у вас горит план в конце года, а деревне в это время делать почти нечего – почему она не посылает своих людей, чтобы помочь вам, как вы помогли ей? На равноправных началах, как хорошие соседи.

– На заводе нужна квалификация.

– У вас сколько угодно работы, где можно обойтись без квалификации.

– Геннадий Иванович, ты говоришь так, будто знаешь завод лучше меня.

– Конечно, я завод знаю хуже тебя, но деревню, думаю, не хуже, – говорит Геннадий Иванович. – Дело не в этом. Как-то раз один туберкулезный больной сделал мне очень интересное признание. Я, говорит, если бы захотел, давно бы вылечился, но мне нет интереса быть здоровым. Не понимаете? Я тоже сначала не понял. Он объяснил: четыре, пять месяцев в году он находится в больнице, на полном государственном обеспечении, или в санатории, где они ловят рыбку, гуляют по роще, а государство выплачивает ему все сто процентов заработка. Лечат его бесплатно, питание, конечно, самое лучшее, квартиру в первую очередь – все блага, все привилегии как больному. А он возвращается из санатория и с полным сознанием того, что делает, начинает пить, курит, – особенно если наблюдается улучшение, – лишь бы не лишиться этих привилегий. Он уже привык к ним, не может без них.

– Ну и что? – спрашивает человек в белой майке.

– Ничего. – Геннадий Иванович улыбается ему снисходительной улыбкой. – Но не станете же вы отрицать, что деревня у нас находится на несколько привилегированном положении. Машины мы ей продаем по заниженным ценам, хлеб покупаем по повышенным, и она со своей деревенской хитростью и расчетливостью уже давно поняла, что решать все свои проблемы своими силами ей невыгодно. Хотя, очевидно, могла бы. Она отлично знает, что на уборку из города пришлют машины, людей, надо будет – государство опять даст деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.